

«Жизненные проблемы молодежи не в повестке власти»

Насколько новое поколение способно вписаться в сегодняшние идеологические конструкции?

Я бы говорила не о системных и стройных идеологических конструкциях, а об отдельных смысловых посылах, исходящих от власти. Самостоятельно или с помощью «профессиональных локаторов» власти удастся уловить в настроениях молодежи определенный запрос и вернуть ей в форме деклараций о намерениях или даже конкретных действий. Какие-то из этих посылов сохраняются. Другие меняются в зависимости от конъюнктуры. Но в целом посылаемые messages отвечают ожиданиям большинства, что и обеспечивает власти достаточно высокий уровень доверия. Молодежь – не исключение.

Юлия Зубок

В какой мере молодёжь адаптирована к идеологии государства?

Молодежь достаточно эмансипирована и индивидуализирована. Она умело рационализирует любые попытки прямого воздействия на нее, если они не вписываются в ее картины мира.

Чтобы воздействовать на молодежь, необходимо, по крайней мере, пересечься с ней в реальном или виртуальном пространстве и совпасть в общем смысловом контексте. Поскольку о внятной идеологии и о самом диалоге власти с молодыми людьми речь вести трудно, я предлагаю говорить о «смысловых пересечениях» молодежи и власти.

Как современные молодые люди воспринимают власть, кто для них Путин?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно посмотреть на сформированный в сознании молодежи образ власти. Нужно понять, как новое поколение воспринимает лидера и его смысловое значение, какие представления сложились у него о разных ветвях власти и государственном устройстве, и так далее. Это довольно прочно закрепленные представления о происхождении, смысле и функциях власти – какой она должна и не должна быть, что она должна или не должна делать.

Эти представления складываются из доступных молодежи источников. Помимо собственного опыта, важен опыт близких взрослых и, разумеется, сведения СМИ. Переваренные знания складываются в осмысленные образы. А они, в свою очередь, регулируют ожидания молодежи. Если ожидания совпадают с ответными действиями власти, то в отношении к ней будет преобладать доверие. Если нет – то недоверие.

На так называемом базовом уровне большинству молодых присуще скорее доверие к власти, чем недоверие. Эта установка без особых натяжек может рассматриваться как отличительная социокультурная черта россиян. Молодежи она тоже присуща. О чем это говорит? О том, что в основном доминируют позитивные установки по отношению к власти. О том, что молодежь способна выдавать ей хорошие кредиты. И поспориться с такой молодежью – надо уметь.

Но «поссориться» с молодежью власти удастся?

Если действия власти в основном вписываются в систему

ожиданий, все остаются довольны. Проблемы начинаются с того момента, когда связь между ожиданиями молодежи и реальностью разрывается. Разрыв может происходить по целому ряду причин, проявляющихся ситуационно и носящих форму локальных конфликтов, не затрагивающих широкие слои.

Тогда возникает возмущение, но оно не носит тотального характера. Такое недовольство достаточно легко локализуется и затем преодолевается в случае адекватного реагирования, не подрывая базового доверия. Другое дело, когда глубинные представления молодежи о власти и ее функциях идут вразрез с тем, что существующая власть из себя представляет. Тогда доверие переходит в свою противоположность.

Чем обеспечена устойчивость образа власти, о котором вы говорите?

Образ власти в сознании молодежи по большей части отражает представления, которые складывались даже не десятилетиями, а столетиями. До сих пор наиболее общий слой образуют: «иерархичность», «централизация» и «персонификация».

Уровень образования, размер дохода или региональная специфика не могут не сказываться. Но структура общих представлений сохраняется. Она достигает максимума среди молодых людей со средним специальным образованием, работающих и живущих в небольших и средних городах. Все, что вписывается в существующий образ власти, находит у молодежи поддержку, в том числе образ президента и проводимая политика.

Отдельного внимания заслуживает «персонификация» лидерства. Для существенной части молодежи сила личности политического лидера такова, что позволяет при необходимости закрыть глаза на нарушения лидером закона. Индульгенцией может стать его «честность и справедливость». Речь идет не о конкретном лидере, а об общей установке, которая в разных ситуациях может быть направлена на того, кто формулирует актуальную для молодежи повестку. Важно, что понятия честности отделяются от

понятия законности. Стало быть, харизматичный лидер имеет шансы получить довольно широкие полномочия.

Традиционный образ власти может измениться?

На этом общем фоне именно в молодежной среде происходит интенсивное «осовременивание» образа власти (но не в самых младших возрастных группах). Формируется более выраженный запрос на децентрализацию, горизонтальные связи, самостоятельность регионов и особенно – на правовые основы регулирования. Идеи права, законности и независимости судебной системы рассматриваются этой частью молодежи как главные проявления справедливости. И эта группа заметно увеличивается, обладая большим потенциалом влияния на сверстников.

Таким образом, мы имеем дело со смысловыми расхождениями внутри самой молодежи. Она раскалывается на две неравные части. Основанием раскола становится доминирующий в сознании образ власти: традиционный или современный.

Одно общее обстоятельство интегрирует эти представления, придавая образу власти черты гибридизации. Вырастая из традиционного, он находится под влиянием современных демократических представлений. Здесь условие существования сильной власти – честные прямые выборы, а не подковерные договоренности. Только такой механизм рассматривается как справедливый. Так что в отношении молодежи к власти миксуются различные образы. При воспроизводящемся традиционном социокультурном типе активно развивается современный.

С каким образом власти связывается более высокое доверие?

Традиционный образ основан на презумпции доверия, а современный скорее стоит на недоверии. Учитывая, что уровень доверия как базовой установки в молодежной среде довольно высок (67%), доминирование традиционного образа не кажется странным. При этом в целом проводимая политика не отвечает интересам ни одной из групп молодежи.

Сумеет ли власть осознать ожидания молодежи и отразить их в политике?

Если сумеет, то отношение к ней, скорее всего, будет позитивным. Но иллюзий на этот счет немного. Жизненные проблемы молодежи не в повестке самой власти. Молодежь – как раньше, так и сейчас – рассматривается исключительно как электоральный ресурс. Причем не слишком надежный, способный дестабилизировать ситуацию. Отсюда спорадические попытки то диалога, то борьбы, но те и другие сводятся к защите власти от молодежи, а не к решению проблем разных категорий молодых людей.

Духоподъемная крымская кампания, обеспечив новый виток легитимации власти и в известной мере став анестетиком в условиях кризиса, для интересов молодежи также прошла впустую. Это приведет к кризису доверия, пусть не базового, но ситуационного.

А ничем не подкрепленная эскалация и эксплуатация патриотизма, в условиях рационализации сознания молодежи и нарастающего кризиса, вызывает у одних раздражение, у других недоумение, у третьих – иронию. Она выражается в прямом управленческом воздействии в ущерб созданию условий для развития. Этот крен опасен не тем, что выводит из себя раздраженных, а тем, что злит лояльных. Он дожимает тех, кто привык выкручиваться самостоятельно, смирился с тем, что ему никто ничего не должен, да и сам давно ничего не просит.

В итоге проигрывают все категории молодежи: как традиционно, так и современно ориентированные, как оппозиционно настроенные, так и доверяющие власти. И в этом, как представляется, заложены наиболее драматичные последствия для отношений молодежи и власти.

Понимают ли власть и молодежь стиль, язык и форматы коммуникации друг друга?

Теперь, конечно, власть больше понимает. Про сетевые

взаимодействия и блогосферу услышали практически все. Вопрос – что именно услышали? То, что молодежь живет в сетях и что поменялись ее кумиры? Или услышали, чем именно она живет, чем озабочена, в чем нуждается и с чем самостоятельно не может справиться? Это разное знание.

Знать, понимать и инкорпорировать в политические стратегии – опять не одно и то же. Можно плохо знать и ошибаться, а можно попросту игнорировать. В отношении власти к молодежи присутствует и одно, и другое. Причин, как представляется, несколько.

1. Характер российской власти остается не конкурентным, а назначенческим. Конечно, политическая конкуренция может быть симулятивной. А демонстрация знания проблем молодежи часто не идет дальше предвыборных лозунгов, бьющих в цель. И все же только в политической борьбе лидер учится видеть, слышать, понимать. А там, глядишь, и действовать соответствующим образом научится.

2. Отсутствуют эффективные молодежные организации и независимые лидеры, не только умеющие выразить интересы молодежи, но и способные устоять перед соблазнами открывающихся дверей «лифта».

3. Органы по делам молодежи работают преимущественно с теми, кто сам идет им навстречу, то есть с той молодежью, которая готова участвовать в различных программах, слетах, форумах и т.д. и т.п. Это хорошие, иногда просто замечательные молодые люди. Но за дверями остаются другие: менее активные, нейтральные, или более сомневающиеся. Не говоря уже о критически настроенных молодых людях, которых либо не замечают, либо соответствующим образом маркируют. В подобных структурах занято множество случайных людей, не наученных преодолевать свои политические симпатии и антипатии, откровенно не понимающих сущность «государственной молодежной политики». Поэтому в реализацию молодежной политики – государственной, обратите внимание, а не персональной – они

привносят личные вкусы и убеждения. Это очень наглядно проявляется при подготовке текстов проектов и программ, когда неумение и нежелание посмотреть на них глазами носителей разных взглядов и убеждений оказывается одной из причин их ущербности.

4. Укоренились социальные практики неучастия молодежи в общественно-политическом процессе. Слабы традиции протеста в молодежной среде, нет веры в его эффективность, свой или чужой опыт несут разочарование. Молодежь концентрируется на повседневных проблемах в противовес «политической болтовне». Активное недоверие власти у этой части молодых людей ведет к неготовности с ней контактировать.

Чего не хватает власти, чтобы молодежь ее лучше понимала?

Что может ответить на этот вопрос исследователь? Молодежь надо изучать. Опросы общественного мнения дают лишь оперативную информацию: «пульс, температура, давление». Нужно углубляться в скрытые причинно-следственные связи, анализировать социокультурные сдвиги, смысловые изменения в молодежной среде. Они не линейны, часто кажутся случайными, но становятся понятными при анализе более сложных связей.

Так случилось, например, в ходе участия молодежи в протестных акциях. Активность, похоже, была неожиданной даже для организаторов. И это о многом говорит. Как можно не понимать, что тема социальной справедливости – едва ли не самая болевая точка молодых россиян?

На протяжении десятилетия уровень напряженности по данному показателю в среде молодежи сохраняет максимальное значение. Что это означает? Требуется встреча лицом к лицу с тем, кто способен артикулировать невыраженные, но укорененные смыслы.

На темы социальной справедливости накладываются недоверие к власти, готовность протестовать (в марте – 13%), высокая установка на риск и готовность отстаивать до конца свои убеждения. В результате мы который месяц обсуждаем «молодежный

протест». Будем ли мы свидетелями его локализации – или эскалации? Это зависит от реально проводимой политики и способности власти аккумулировать социальные ожидания молодежи.